

© 1997 г., ЭО, № 6

В.В. Тр е п а в л о в

ВОЛГА В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Среди контактных зон Восточной Европы одним из регионов наиболее интенсивного взаимодействия этносов и культур на протяжении тысячелетий являлось Поволжье. В бассейне среднего и нижнего течения Волги менялись народы и государства, происходили миграции и завоевания... Во многом такая историческая насыщенность объяснялась географическим фактором. Данная зона находится в центре Великого степного пояса. Поэтому потоки кочевых переселений с востока на запад, через «Ворота народов» (пространство между отрогами Южного Урала и Каспием), неизбежно пересекали Волгу. Кроме того, через низовья этой реки издавна проходили торговые трассы, в том числе северная ветвь Великого шелкового пути. Волга служила и естественной меридиональной магистралью-ориентиром: вдоль нее и по ней пролегли торговые маршруты, а также маршруты сезонных перекочевков.

Долгое время берега реки являлись обиталищем различных кочевых племен. Начиная с Великого переселения народов, здесь побывали гунны и савиры, авары и древние тюрки, древние венгры и хазары, огузы и печенеги, кипчаки и волжские булгары. В XIII в. Поволжье было завоевано монголами и вошло в состав Золотой Орды. После ее распада там образовалось несколько татарских государств и Ногайская Орда. Во второй половине XVI в. Волга на всем протяжении стала российской. Смена государств и господствующих этносов приводила к смене языков, культур и этнокультурных традиций. Но, как правило, ни одна культура не исчезала бесследно и сохранялась в качестве наследия, пережитков и заимствований у последующего иноэтничного населения. Это относится и к материальной, и к духовной сферам – языку, фольклору, промыслам и т.д.

Подобное наследование характерно и для последнего по времени крупного этнического массива Поволжья – русских. Наиболее активный приток русского населения в регион начался со второй половины XVI в. и продолжался в XVII в. Сначала сюда шли жители Русского Севера, Поморья. С середины XVII в. на юг двинулись крестьяне Верхнего Поволжья¹. В укромных местах обосновались ватаги разбойников и общины казаков – волжских и донских. Все они заселяли территории завоеванных Казанского и Астраханского ханств и распавшейся Ногайской Орды. Следовательно, славянские мигранты оседали вперемежку со старым тюркским населением. Их взаимное влияние проявлялось в самых разнообразных аспектах. И одним из наиболее ярких признаков русского освоения Поволжья стало использование образа Волги в песенном и былинном фольклоре.

Прежде всего это культурное освоение, как казаками, так и российскими подданными, проявилось в формировании своеобразного культа реки, в складывании образа «Волги-матушки». По исследованиям И.А. Петровой, насчитывалось шесть устойчивых словосочетаний, в которых присутствовал оним «Волга». Он встречался в основном в семейных и любовных песнях, реже – в разбойничьих, тюремных, игровых

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект N 97-01-00099 «История Ногайской Орды»).

(тогда как Дон, например, фигурировал, главным образом, в исторических песнях). Впрочем, уже с начала XIX в. подобные словосочетания практиковались редко, а затем и вовсе исчезли из текстов².

Действительно, песенный материал XVII–XIX вв. дает широкую панораму развития образа великой реки. Причем если в поздних произведениях Волга присутствует только как ритуальный элемент, как абстрактная «матушка Волга»³, то в песнях XVII–XVIII вв. еще чувствуется новизна волжского ландшафта для славянских поселенцев. Бурлаку некрасовских времен она служила лишь фоном переживаний:

Волга моя матушка,
Русская река,
Пожалей, родимая,
Силы бурлака⁴.

А для казаков и крестьян-новоселов река выступала еще и как грозная стихия со своим характером, к которому требовалось приноровиться (недаром говорили: «Волга ину пору мать, а ину мачеха»⁵). Видимо, изначально она, как и Яик, удостоилась эпитетов «великая» и «славная» и лишь потом стала «маткой», а впоследствии и «матушкой»⁶. Бытовало народное выражение: «Волга всем рекам мать»⁷. А.Н. Афанасьев по этому поводу писал: «Волга, принимая в себя побочные реки, по прекрасному поэтическому выражению русского народа, доносит их к синему морю на своих могучих руках (в своих объятиях)»⁸. Легенды о Волге показывают, что только верховья ее были обжиты русскими и включены в мифологическую картину мира. Спор о старшинстве Волги и ее притока Вазузы⁹ ясно показывает незначительность размеров Волги, с которой осмелилась состязаться неприметная речушка. Сказание о брате Днепре и сестрах Волге и Двине тоже могло зародиться только в истоках их, в лесах Русской равнины (все три персонажа «ночуют в болотах») ¹⁰.

Знакомство славянских мигрантов с новым местом жительства проявилось, в частности, в фиксации природных особенностей реки:

Ах ты Волга ты, Волга,
Волга-матушка река!
К чему рано становилася,
Тонким льдом покрывалася,
Белым снегом усыпалася?
Со восточной стороны
Буен ветер повеваает,
Волгу-матушку ломает...
Мой стружочек разбивает¹¹.

Не тошно ли тебе, да Волга-матушка,
Со тонким это ледочком расставаться,
Со тонким это ледочком осенним,
Со осенним да с последним?¹²

Тонкий осенний лед был устойчивой сезонной приметой, и его установление на реке служило еще до русского заселения привычным временным ориентиром для кочевников. Ногайские стада в XVII в. перегонялись через Волгу «по первому льду для зимнего кочевья» с левого берега на правый и весной обратно «по последнему льду»¹³.

Культ реки-кормилицы был чрезвычайно распространен в традиционных культурах и являлся важным элементом так называемой сакральной топографии. «Все крупные реки каждого ареала, – утверждает В.Н. Топоров, – Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Ганг, Инд, Тигр, Евфрат, Волга, Днепр, Обь, Амур, Конго, Замбези, Миссисипи, Амазонка и т.п. – могут быть сакрализованными или, во всяком случае, входящими в мифологические мотивы»¹⁴. По некоторым отголоскам в документальных источниках

и в фольклоре можно попытаться отыскать следы подобной сакрализации Волги у обитателей ее берегов до XVII в. Но сперва отметим, что славянское заселение сопровождалось не только осмыслением природных реалий, но и обживанием местности, в том числе через обозначение берегов («сторон») реки.

В XVI в. и, может быть, в XV столетии берега Средней Волги именовались по географическим признакам Луговой и Горной сторонами, Нижней Волги – по этническим признакам: сторонами Ногайской и Крымской. Данные обозначения твердо держались в речи волжан до второй трети XVII в. Судя по источникам, границей между Луговой/Ногайской и Горной/Крымской сторонами считалась Переволока – место, где Волга более всего сближается с Доном и где в 1589 г. был основан Царицын. Этническая номинация речных «сторон» была довольно типичной для средневековой Евразии: известны Сибирская и Ногайская стороны Иртыша, Крымская и Ногайская стороны Дона и Воронежа и т.д.

Легко догадаться, что подобные названия указывали на этносы-«гегемоны», на тех, кому принадлежали территории соответствующих «сторон». Смена гегемонов влекла и топонимические изменения. Так, в связи с вытеснением калмыками ногаев в 1620–1630-е годы бывшую Ногайскую сторону сами ногаи стали называть Калмыцкой¹⁵. Правда, русские не расценивали эпизодические набеги калмыков как достаточно глобальное явление для переименования волжского левобережья, хотя и Ногайским оно уже не могло называться. Поэтому жители Царицына и других южных городов стали называть бывшую Ногайскую сторону Луговой – так же, как ранее обозначали область к северу от Переволоки¹⁶. Правый берег по-прежнему оставался Крымской стороной, поскольку Крымское ханство продолжало существовать.

Уже сам факт именованя берегов по этносам позволяет заключить, что народы-эпонимы играли существенную роль в истории Поволжья. В нашем распоряжении имеется, главным образом, ногайский материал. Свидетельства о более раннем времени очень немногочисленны и сохранились в поздних памятниках. Тем не менее есть некоторые основания полагать, что в эпоху Золотой Орды в отношении местного тюркского населения к Волге (Итиль, Эдель) проявлялись элементы сакрализации. Например, в татарском дестане «Идегей», повествующем о событиях конца XIV – начала XV в., золотоордынский хан Тохтамыш изрекает: «Мать-река, полноводный Идиль!»¹⁷. Военачальник Идегей описывает Тимуру («Шах-Тимуру») свою родину: «Реки мои – Мать-Идиль и Яик. Булгар – моя страна»¹⁸. Волга действительно играла важнейшую роль в экономике и государственности улуса Джучи. Она находилась в центре державы, вдоль нее пролегалы ежегодные кочевки ханов¹⁹, а в низовьях находился Тахт-эли – ханский домен с двумя столицами.

Гораздо более развернуто можно реконструировать отношение кочевников к великой реке по материалам письменности и фольклора, связанным с Ногайской Ордой. Прежде всего Итиль имел для кочевых ногаев чисто хозяйственное значение как стержень летне-зимних передвижений²⁰. К концу XVI в. основные экономические и политические интересы Ногайской Орды концентрировались в междуречье Волги и Яика. Утрата контроля над волжским регионом означала бы для ногаев и утрату независимости. Известно оправдание ногайского правителя (бия) Уруса перед турецким султаном (в ответ на упреки в подчинении России в 1588 г.): «От неволи учинились в московского воле: чья будет Асторохань и Волга, и Яик, и Самар, тово будем и мы»²¹. За 8 лет до того ногаи говорили русскому послу: «И толко де государь велит казаком у нас Волгу и Самар, и Еик отняти, и нам деи всем... пропасти»²².

Хотя традиционно основным районом ногайских кочеваний считался Яик, Волга тоже почиталась ногаями как составная часть родины. «Ныне б толко чему было верить или б недруга моего Муцала (кабардинского князя. – В.Т.) извести – и я бы со всеми своими улусными людьми прикочевал бы на Волгу, – писал в начале 1653 г. астраханским воеводам мирза Чобан б. Иштерек. – Люблю то место, потому что отчина наша»²³. В арабском оригинале этой грамоты значится: «Атам ери Эдил бойи» («моя отчизна – берег Эдила») ²⁴.

Понятие Волга-«отчизна» (атам ери) имело у ногаев несколько значений. Во-первых, Волга являлась «юртом» предка ногайских биев Эдиге и местом кочевий его сыновей Науруза и Нур ад-Дина, о чем ногаи хорошо помнили и именно этим обосновывали территориальные претензии к России после завоевания ею Астраханского ханства²⁵. Причем, Волга не воспринималась ими как изначальная колыбель народа. Историческая память ногаев запечатлела эпоху овладения ими Поволжьем – конец XIV в.: «Предки наши, праотец Идигии князь, с Токтамышем князем о Волге воину вели, и Волгу праотец наш Идигии князь у Тахтамыша князя взял воиноу, и с тех мест и по ся места (написано в 1626 г. – В.Т.) о Волге меж нас воина а Идигия князя, потом и мы. И по ся места милостию Божиею и великих государей московских помощю мы, мурзы, и улусные наши люди Волги некоторым своим недругом не дали»²⁶.

Во-вторых, в первой половине XVII в. берега Волги являлись для многих ногаев отчизной в собственном смысле этого слова, т.е. местом рождения, потому что в то время большинство населения Ногайской Орды оказалось прижатым казаками и калмыками к Астрахани. Даже откочевывая в безопасные крымские и казыевские владения или к кумыкам, мирзы мечтали о возвращении к родной реке, поскольку «родилися было и взрослые у Волги», «а от отца нашего Исмаила князя взрослые и мурзами были у устья Волского»²⁷.

В сакрально организованном пространстве ногайской родины крупные реки представляли собой не только ориентиры-координаты, но и символы «дома» народа. Такая интерпретация сохранилась в фольклоре каракалпаков, некогда вышедших из Ногайской Орды. Каракалпакская историческая поэма (толгау) «Ормамбет-бий», повествующая о времени распада Орды, сообщает, что после смерти своего государя Ураз-Мухаммеда (Ормамбета) «десятисанные ногаи» были вынуждены покинуть «Едил уйдиң есиги» («Едиль – дверь юрты»), «Жайық, уйдиң жапсары» («Яик – боковую сторону юрты») и «Туркестан уйдиң тери» («Туркестан – переднюю, почетную часть юрты») ²⁸. Таким образом, Итиль расценивался как «вход», «дверь» в общеногайское «жилище», кочевое пространство.

Вместе с тем именно Волга удостоилась ласкового обозначения «ана» (матушка), в отличие от Яика, Самары, Эмбы и прочих стержневых координат сакральной топографии ногаев. Выражение «Ана Эдил» (Матушка Волга) неоднократно встречается как в репликах прародителя биев Эдиге, героя одноименного ногайского эпоса, так и в тексте, от лица рассказчика²⁹. «Я уйду от тебя, уйду, Матушку Волгу перейду», – говорит в эпосе «Эр Таргыл» богатырь Таргыл хану Кандазе («Мөн кетермен, кетермен, Ана Эдилден ытермен») ³⁰. Есть основания полагать, что данный образ был присущ не только эпическому и, может быть, песенному фольклору ногаев (как и у русских), но и фигурировал в их повседневной речи. В феврале 1636 г. аталык (наставник) ногайского военачальника (кековата) Джан-Мухаммеда заявил русскому послу В. Струкову (он вел переговоры с ногаями, откочевавшими от Волги в донские степи): «А как де у Волги жили у матки своей, и нам де добре была покоинее» ³¹.

Причем, в отличие от русского народного творчества, в письменных источниках ногайцев («Ногайских делах») содержатся элементы рационального объяснения «материнства» Волги. Выше приводились высказывания мирз о ее берегах, на которых они «родились было и взрослые». Тот же кековат Джан-Мухаммед говорил Струкову осенью 1635 г., что если бы не насилия астраханских воевод, то «сами бы де мы своево родственнова стариннова корени не покинули и матки своей Волги, где наша изначала вера зачалась» ³² (выделено мною. – В.Т.).

Попутно отметим интересную деталь. В «родительской» паре с Волгой место «отца» у ногаев занимал не «батюшка Тихий Дон», как это имело место в казачьих былинах³³, а неожиданный и странный персонаж. В январе 1555 г. в Москву доставили грамоту мирзы Арслана б. Хаджи-Мухаммеда, в которой он извещал Ивана IV о смене власти в Орде: «А дядя мой Исмаил князем учинился. Волга нам матерью учинилась, а лес нам отцом учинился» ³⁴. Пока трудно объяснить, каким образом это

чуждое для степных кочевников понятие проникло в мифологизированное сознание ногаев. Может быть, имелись в виду леса, которые сменяли степь выше Самарской Луки? Лес встречается в документах, пожалуй, лишь в единственном аспекте – как обозначение самой северной летовки Ногайской Орды – «близ Камы под лесом»³⁵. Впрочем, почитание леса характерно для многих азиатских народов, в том числе для древних и средневековых тюрков³⁶ (хотя ногаям это было, кажется, не присуще).

Ясно, что русские первопоселенцы, в том числе казаки – выходцы из России, долгое время не могли воспринимать великую реку с такой же теплотой. «Родилися и взросли» они на Руси или на Дону, их «вера зачалась» тоже вдалеке от этого традиционно мусульманского региона. Поэтому на пустынные степные просторы они поначалу смотрели с настороженностью. От тех, вероятно, времен сохранилась поговорка: «Ахтуба пуста, а без караула не гуляй»³⁷. Волжские низовья продолжали оставаться для русских «чужедальней стороной» даже тогда, когда Волга превратилась в «матушку» и для пришельцев-славян. Достаточно, например, вспомнить народную песню «Сиротка»:

Воспоила, воскормила меня Волга-матушка,
Воспитала меня легка лодочка ветлянька,
Возлеяли меня мамки-няньки волны быстрые,
Возросила меня чужа дальна сторона Астраханская³⁸.

Весьма рискованно было бы утверждать, будто в процессе освоения Поволжья русские переняли тюрко-ногайский клишированный образ реки-«матушки», хотя буквальное совпадение формул «Ана Эдил» и «Волга-Матушка» могло оказаться не простым совпадением. Косвенным опровержением тезиса о подобном заимствовании служит то обстоятельство, что фольклорное определение «матушка» песнетворцы на Руси относили не только к Волге, но и к другим рекам. Кроме того, «батюшкой» считались Дон, Днепр и т.д.³⁹. Однако можно отыскать и косвенные подтверждения калькирования русскими ногайского выражения. Кроме ногаев ни один народ не распространял область своего расселения (кочевания) от Волги до Дуная со второй половины XVI в. И только ногаи имели основание утверждать в эпических сказаниях (эпос «Кокше батыр»): «Земля наша простиралась до реки Манан (т.е. Дуная. – В.Т.), до горы Балкан»⁴⁰.

Кажется вероятным предполагать ногайскую первооснову в русских поговорках Поволжья: «Волга – плыть долго, а Дунай – широко. Видно, Дунай с Волгой не сольются», «Видно уж Дунай с Волгой не сольются»⁴¹ (о несовпадении взглядов, характеров и т.п.). Сомнительно, чтобы русские поселенцы для сравнения с Волгой выбрали не Днепр, не Дон, Воронеж, Каму, Яик, а далекий, находившийся в османских владениях Дунай⁴². Очевидно, в данном случае проявился ногайский «след», ногайское очерчивание пространства на запад до Дуная. А раз так, то нет ничего странного в том, что и «Волга-матушка» была унаследована славянами-пришельцами от средневековых кочевников, для которых «Ана Эдил» также была «матушкой», символом Родины.

Примечания

¹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 151, 156.

² Джарылгасинова Р.Ш., Супрун В.И. Седьмая конференция по ономастике Поволжья // Этнограф. обозрение. 1996. № 5. С. 135.

³ См.: Волга в песнях и сказаниях. Саратов, 1937. С. 83, 84, 101, 106, 108, 109, 111–113 и др.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 155.

⁶ Там же. С. 41, 43–45 и др.; История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полн. собр. русских летописей. Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 12, 14.

⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 346.

- ⁸ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 226.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 228.
- ¹¹ Волга в песнях и сказаниях. С. 134, 137, 138.
- ¹² Там же. С. 145.
- ¹³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 61; 1638 г. Д. 2. Л. 39.
- ¹⁴ *Топоров В.Н.* Река // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 375.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 69; Д. 2. Л. 46.
- ¹⁶ Там же. 1632 г. Д. 1. Л. 303.
- ¹⁷ Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 156.
- ¹⁸ Там же. С. 108.
- ¹⁹ См.: *Ракушин А.И.* К вопросу о сезонных пастбищах в Улусе Джучи // Краеведческие чтения. Докл. и сообщ. IV–VI чтений. Саратов, 1994; *его же.* К вопросу о сезонных перекочевках золотоордынских кочевников улуса Бату // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.
- ²⁰ См.: *Поноженко Е.А., Асанов А.М.* Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. 1993. N 1–2/5–6.
- ²¹ Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. № 14. Симферополь, 1891. С. 66–67.
- ²² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 9. Л. 157.
- ²³ Там же. 1653 г. Д. 1. Л. 14.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ Там же; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 129, 167, 167 об.; Д. 6. Л. 56 об., 57, 81, 81 об.
- ²⁶ Там же. 1626 г. Д. 2. Л. 159.
- ²⁷ Там же. 1636 г. Д. 1. Л. 88, 93.
- ²⁸ *Толстова Л.С.* Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 161; *Толстова Л.С., Утемисов А.* Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков // Вестн. Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1963. Вып. 4 (14). С. 43.
- ²⁹ См.: *Ногайдынь кырк баптири: Ногай халк дестанлары.* Махачкала, 1991. С. 18, 37 и др.
- ³⁰ Цит. по: *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 82, 83.
- ³¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1636 г. Д. 2. Л. 29.
- ³² Там же. 1635 г. Д. 2. Л. 170.
- ³³ См., например: Волга в песнях и сказаниях. С. 53.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 263–263 об.
- ³⁵ *Поноженко Е.А., Асанов А.М.* Указ. раб. С. 123; Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 9. Спб., 1793. С. 34.
- ³⁶ *Иванов В.В.* Лес // Мифы народов мира. Т. 2. С. 49.
- ³⁷ *Терещенко А.* Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Москвитянин. 1853. № 22 (ноябрь). Кн. 2. Отд. 7. С. 52. Ахтуба – левый рукав нижней Волги.
- ³⁸ Волга в песнях и сказаниях. С. 81. «Сиротка» – это, в сущности, монолог разбойника. Долгое время волжские берега служили приютом для различных изгоев и беглецов. Данное явление отразила пословица (*Даль В.И.* Указ. раб. С. 343): «Коли нечем платить долгу, так ехать (идти) на Волгу», т.е. либо в бурлаки, либо в разбойники.
- ³⁹ Волга в песнях и сказаниях. С. 67, 70, 71; *Афанасьев А.Н.* Указ. раб. С. 233.
- ⁴⁰ Цит. по: *Сикалиев А.И.-М.* Указ. раб. С. 81.
- ⁴¹ *Даль В.И.* Указ. раб. С. 346.
- ⁴² Хотя у западных славян слово «дунай» употреблялось и в нарицательном значении как вообще «река» (*Афанасьев А.Н.* Указ. раб. С. 220), в приведенном изречении все-таки явно фигурирует р. Дунай.

V.V. T r e p a v l o v. Volga-river in the cultural tradition of the East European peoples

The article deals with the reflection of Volga in the folklore of the Slavic population of the Volga region. The author points out that the cult of the River-benefactor was very widespread among the local Turkic and Slavic groups and constituted an important part of the so called «sacred topography».